

СЛУЖБА СНОВИДЕНИЙ

ВЛАД ВЕЛИРСКИЙ

Влад Велирский

Служба сновидений

<https://litres.ru/74341673>

SelfPub; 2026

Аннотация

В городе Ливень сны служат коммунальным ресурсом: их остатками гасят усталость врачей, диспетчеров и машинистов. Инспектор Ася Рем верит в точность Службы сновидений, пока не обнаруживает скрытую цену безупречного баланса — у ночных работников забирают связи с собственным прошлым, а продолжение смены считают молчаливым согласием.

Попытка остановить списания выпускает сны на улицы и ставит под угрозу больницы, транспорт и воду. Чтобы не заменить одну тайную власть другой, Асе придётся разделить полезный расчёт, исполнительную команду и право распоряжаться человеческой памятью — и публично принять цену несовершенного решения.

«Служба сновидений» — атмосферный роман на стыке городского фэнтези и социальной фантастики о памяти, ответственности и праве отказаться даже тогда, когда отказ неудобен целому городу.

Содержание

От автора	4
Глава 1. Сон без владельца	6
Глава 2. Смена считается согласием	17
Глава 3. Три минуты пробуждения	27
Глава 4. Архив чужих лестниц	41
Глава 5. Брат, который не спит	52
Глава 6. Проверка нулевого баланса	64
Глава 7. Профсоюз последнего часа	72
Глава 8. Дежурный кошмар	84
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Влад Велирский

Служба сновидений

От автора

Мы привыкли считать сон частным временем: закрываешь глаза, исчезаешь из расписания и никому ничего не должен. Но город продолжает работать именно потому, что кто-то не спит. Ночные водители, врачи, диспетчеры, уборщики и дежурные отдают бодрствованию не только часы. Иногда вместе с усталостью уходит часть жизни, которую уже невозможно назвать и предъявить к оплате.

«Служба сновидений» превращает эту невидимую цену в устройство фантастического города. Здесь сны можно собирать, хранить и направлять на поддержание чужого внимания. Такая технология приносит несомненную пользу: транспорт приходит вовремя, операционные не гаснут, опасные кошмары не выплёскиваются на улицы. Вопрос начинается там, где полезная процедура перестаёт спрашивать согласие и называет равновесием привычку брать у тех, кто слабее защищён.

Эту книгу лучше читать не как спор сна с бодрствованием. Оба состояния необходимы, оба могут спасти и разрушать. В центре романа — граница между помощью и повин-

ностью, между общим риском и тайно назначенной платой. Герои будут ошибаться и платить за исправления; отказ от принуждения не сделает их решения безошибочными.

Правило мира простое: предупреждение об опасности ещё не даёт права распоряжаться чужой памятью. Всё остальное предстоит проверить ночной сменой.

Глава 1. Сон без владельца

В половине второго ночной трамвай номер семь свернул с набережной не туда.

Рельсы под ним остались прежними. Стрелка была заперта, диспетчер видел вагон на правильном участке, водитель держал контроллер обеими руками и клялся, что впереди тянется проспект Маяков. Но пассажиры за окнами видели узкий двор, залитый июльским солнцем, и девочку в жёлтом платье. Она бежала рядом с вагоном босиком, не отставая на поворотах, и стучала ладонью в стекло.

Трамвай ехал по мокрому ноябрьскому Ливню. Солнце не отражалось ни в одной луже.

— Не смотреть ей в лицо, — сказала Ася Рем, поднимаясь на подножку. — И не отвечать, если назовёт по имени.

— Она уже всех назвала, — пробормотал водитель.

Он сидел слишком прямо. На форменной куртке темнело пятно от пролитого кофе, у виска прилипла седая прядь. За его спиной четырнадцать пассажиров молча изучали собственные колени. Только пожилая женщина у средней двери продолжала поглядывать наружу, будто пыталась узнать двор.

Ася приложила служебный жетон к компостеру. Вместо короткого сигнала тот зевнул детским голосом.

— Остаток закрепился в линии питания, — сообщила она

диспетчеру через воротник. — Вагон обесточивать нельзя. Потеряем контур — двор раскроется на весь квартал.

— Принято, выездная. Баланс участка минус одиннадцать минут внимания. До критического порога девять.

— Как всегда, вовремя.

— Это похвала?

— Запиши как производственную неопределённость.

Она достала регистратор — плоскую серую коробку размером с книгу. На крышке под мутным стеклом плавала белая нить. Обычно рядом с чужим сном нить тянулась к владельцу, дрожала в такт его пульсу и окрашивалась личным следом: запахом квартиры, обрывком голоса, привычным страхом опоздать. Сейчас она лежала неподвижно.

Девочка за окном снова ударила ладонью. Стекло прогнулось внутрь, словно стало тонкой плёнкой.

— Папа, — сказала она.

Трое мужчин в вагоне одновременно подняли головы.

— Я предупреждала, — сказала Ася.

У средней двери женщина всхлипнула и потянулась к кнопке аварийного открывания.

Ася успела перехватить её запястье.

— Там мой двор, — прошептала пассажирка. — Дом с зелёным балконом. Его снесли сорок лет назад.

— Поэтому дверь и нельзя открывать. Сон подбирает место, которому вы поверите.

— А девочка?

— Пока не знаю.

Это было хуже любого успокоительного вранья, но женщина убрала руку. Ася любила людей, способных испугаться точного ответа.

Вагон качнуло. За окнами солнечный двор оборвался, и на миг проступила настоящая улица: чёрные ветви, аптечный крест, патрульная машина Службы. Потом девочка опять побежала рядом. Теперь она держала в руках маленький свёрток.

Регистратор пискнул. Белая нить поднялась и метнулась к водительской кабине.

— Нашла, — сказала Ася.

Водитель даже не обернулся.

— Я не спал.

— Сны иногда выходят позже хозяина. Вы сколько на линии?

— С шести вечера.

— Вчерашнего.

— Сегодняшнего. Не придирайтесь.

До конца смены у него оставалось сорок минут, и он держался за них как за доказательство невиновности. Ася видела таких сотни: если человек способен вести вагон, зашнуровать ботинок и назвать дату, он считает себя бодрствующим. Долг внимания не спрашивает, что человек о себе думает.

Она протянула регистратор через открытую дверь кабины. Нить коснулась рукава водителя — и побелела ещё сильнее.

нее.

Никакого личного следа.

— Имя?

— В карточке есть.

— Мне нужно услышать от вас.

— Глеб Нор.

— Возраст?

— Сорок шесть.

— Адрес?

Он назвал улицу и дом без запинки. Ася спросила имя матери, первую профессию, цвет входной двери. Ответы пришли быстро, раздражённо и верно — по крайней мере, так показывал жетон. Контрольные слова совпадали с муниципальной записью.

За окном девочка перестала бежать. Трамвай продолжал двигаться, но она осталась напротив кабины, скользя над рельсами спиной вперёд.

— Папа, посмотри.

Глеб стиснул контроллер.

— У меня нет детей.

Белая нить в регистраторе натянулась до звона.

Ася почувствовала, как по вагону проходит чужая уверенность. Не страх, не сомнение — именно уверенность, гладкая и пустая, как новая табличка на закрытой двери.

— Диспетчер, проверь гражданское состояние Глеба Нора, — сказала она.

— Выездная, у нас утечка третьего класса. Семейные запросы после локализации.

— Проверяй сейчас.

— Основание?

Девочка развернула свёрток. Внутри оказалось не лицо младенца, а круг тёплого света. Вагон наполнился запахом больничного мыла и яблок. Один из мужчин, поднявших голову на слово «папа», согнулся, зажав уши.

— Угроза ложного родства, — ответила Ася. — Если сон раздаст связь пассажирам, получим четырнадцать биографий на одного ребёнка.

В воротнике зашуршало. Диспетчер перестал спорить.

Ася открыла боковую защёлку регистратора. Процедура требовала остановить транспорт, вывести людей и получить согласие владельца. Ничего из этого у неё не было. До критического порога оставалось, по расчётам, семь минут. По тому, как солнечный свет уже проступал сквозь потолочные плафоны, — меньше пяти.

— Глеб, мне нужно ваше разрешение на изъятие остатка.

— Если он мой, забирайте.

— Не условно. Скажите: «Я разрешаю Службе изъять этот сон без права использования».

Он повторил фразу, проглотив последние слова. На крышке регистратора вспыхнула янтарная рамка: согласие принято.

Ася вошла в проход и велела пассажирам закрыть глаза.

Потом щёлкнула защёлкой.

Сон не потёк в приёмную камеру, как должен был. Он рванулся сразу весь.

Солнечный двор сложился пополам. Зелёный балкон ударил по крыше вагона. Девочка оказалась внутри — в конце прохода, с босыми ногами на резиновом полу. Её жёлтое платье было мокрым по подолу. Она смотрела не на Глеба, а на Асю.

— Отдай ему утро, — сказала девочка.

Ася подняла регистратор между ними.

— Я не храню утра.

— Вы всё храните.

Пассажиры застонали. Каждый видел сейчас что-то своё, но чужой сон навязывал им одну и ту же потерю. Пожилая женщина звала брата. Мужчина у окна просил кого-то не выключать свет. Водитель молчал.

Ася повернула колёсико допуска до красной черты. Камера могла принять остаток силой, выдрав вместе с ним ближайшую ассоциацию. Поэтому красную черту называли служебной, а не безопасной.

— Смотри на меня, — сказала она девочке.

Та улыбнулась. У неё не было переднего молочного зуба.

Ася вспомнила, как Ян в семь лет прятал выпавший зуб в коробке из-под чая, потому что боялся: если отдаст его ночному существу, утром проснётся другим мальчиком. Воспоминание открылось само, яркое, незащитное. Сон метнулся

к нему.

Ася нажала приём.

Боль была короткой. Не в голове — под языком, будто она забыла важное слово. Девочка, двор, балкон и больничный свет втянулись в серую коробку. Окна трамвая разом почернели. По стеклу пополз обычный ноябрьский дождь.

Регистратор потяжелел на два килограмма.

Пассажиры открывали глаза, ощупывали лица, проверяли сумки. Пожилая женщина у двери обнаружила, что всё ещё держит Асю за рукав, и смущённо отпустила.

— Мы приехали? — спросил кто-то.

— Вернулись, — ответила Ася.

Она присела на ступеньку кабины. В памяти зияло маленькое аккуратное место. Ян, коробка из-под чая, страх — всё осталось. Исчез цвет коробки. Красная черта взяла недоного.

Пока.

— Гражданская запись получена, — сказал диспетчер в воротнике. Голос стал осторожным. — Глеб Нор, брак расторгнут восемь лет назад. Дочь Вера Нор, семь лет. Родилась в городской больнице номер тринадцать. Отец присутствовал при родах.

В кабине заработали дворники. Глеб смотрел прямо перед собой.

— Ошибка, — сказал он.

— Фото открыть?

— Не надо.

— Почему?

— Потому что у меня нет дочери.

Ася положила регистратор ему на колени. Сквозь мутное стекло теперь плыл солнечный двор. У края изображения девочка в жёлтом сидела на корточках и что-то рисовала мелом.

Глеб посмотрел без узнавания.

— Это не мой сон.

— Он отозвался на ваше имя, пульс и контрольную фразу согласия.

— Значит, прибор сломан.

Такой ответ тоже встречался часто. Реальность обвиняли в неисправности, если ремонт казался дешевле правды.

Ася запросила у диспетчера экстренный контакт. Через несколько секунд на её жетоне появилось имя: Нина Нор. Бывшая жена.

— Я ей позвоню, — сказала Ася.

Глеб резко накрыл жетон ладонью.

— Не надо среди ночи тревожить чужого человека.

— Вы помните, как развелись?

— Конечно.

— Из-за чего?

Он убрал руку. За ветровым стеклом горел разрешающий сигнал, но трамвай стоял.

— Не ваше дело.

— Хорошо. Где вы жили вместе?

— На Садовой.

— Как звали её отца?

Глеб открыл рот и замер. Ася видела, как он ищет не имя, а саму полку, на которой оно должно лежать. Полки не было.

Из динамика над кабиной донёсся голос транспортного диспетчера: требование восстановить движение. За вагоном уже собрались две машины и следующий трамвай. Ливень умел терпеть любую тайну ровно до тех пор, пока она не задерживала расписание.

— Я вызову сменщика, — сказала Ася.

— До конечной сорок минут.

— Вы потеряли часть автобиографической памяти.

— Я помню маршрут.

— Маршрут не женился и не держал новорождённую дочь.

Он впервые посмотрел на неё. В его лице не было горя. Нельзя горевать о человеке, существование которого кажется канцелярской ошибкой. Был только гнев работника, которого снимают с линии за чужую неисправность.

— Мне за недоработку кто заплатит?

Вопрос оказался точнее всех приборов.

Ася вызвала сменщика и медицинскую бригаду пробуждения. Потом опечатала регистратор. Для опасного остатка полагался красный ярлык, для спорного владения — синий. Она наклеила оба. На пересечении цветов фамилия Глеба

выглядела перечёркнутой.

Пассажиров пересадили в следующий вагон. Пожилая женщина задержалась на выходе.

— А тот двор правда был моим? — спросила она.

— Вашим было узнавание. Двор принадлежал сну.

— Значит, чужое может знать, чего мне не хватает?

— Чужое часто подбирает подходящую дверь.

Женщина кивнула, хотя легче ей не стало, и ушла под дождь.

Медики посадили Глеба в белый фургон. Он всё ещё спорил о сорока минутах и требовал справку для депо. Ася дождалась, пока двери закроются, затем вернулась в патрульную машину.

На экране регистратора мигал отчёт изъятия. В строке «владелец» стояло имя Глеба Нора. В строке «личный след» — ноль. Такое сочетание было невозможно: сон мог потерять хозяина, а человек — память, но между ними всегда оставалась царапина узнавания. Здесь связь сохранилась только в служебных показателях.

Ася раскрыла подробный протокол. Последняя запись появилась за четыре минуты до утечки, когда трамвай пересёк полночную границу участка.

ОСТАТОК ПРИНЯТ. ОСНОВАНИЕ: ДОБРОВОЛЬНАЯ ПЕРЕДАЧА.

Ниже стоял номер согласия.

Тот самый, который система присвоила фразе Глеба

несколько минут назад.

Ася проверила время ещё раз. Запись утверждала, что он разрешил передать сон до того, как она вошла в вагон и попросила разрешения.

— Диспетчер, подними журнал согласий по этому номеру.

— До утра нельзя? У нас баланс участка вернулся в зелёную зону.

На экране рядом с нулевым личным следом горела акkuratная зелёная отметка. С точки зрения города происшествие закончилось хорошо.

Ася сняла копию протокола на личную служебную пластину.

— До утра запись успеет стать правильной, — сказала она.

— Поднимай сейчас.

Глава 2. Смена считается согласием

Журнал согласий находился на четвёртом этаже Управления бодрствования, за дверью без ручки.

Ася приложила жетон. Дверь не открылась.

— Запрос существует, — сообщил спокойный голос из стены. — Необходимость доступа отсутствует.

— Это новое определение отказа?

— Отказ не зарегистрирован.

— Тогда зарегистрируй необходимость.

— Необходимость не подтверждена.

После трёх ночи городские системы становились особенно похожи на людей, которым поручили никого не пускать и запретили произносить слово «нет».

Ася прислонила опечатанный регистратор к считывателю. За мутным стеклом девочка рисовала мелом на солнечном асфальте. Белые линии складывались в трамвайные рельсы.

— Вещественный остаток связан с номером согласия, появившимся до волеизъявления владельца. Подтверждение — протокол изъятия, моя служебная запись и четырнадцать свидетелей.

Стена задумалась.

— Необходимость подтверждена частично.

Дверь отъехала на ширину ладони.

Ася протиснулась боком, прижимая регистратор к груди. Если аттестационная комиссия спросит, почему она нарушила рекомендацию не входить в частично открытые двери, можно будет честно ответить: потому что полностью открытых Служба почти не оставляла.

За дверью тянулся зал с низким потолком. Стеллажей здесь не было. На чёрном полу светились тысячи тонких строк, и каждая уходила вдаль, как разметка ночного шоссе. Согласия хранились не документами, а маршрутами: кто, когда, на какой срок и к какому последствию разрешил провести свой сон.

У входа сидел дежурный архивист. На столе перед ним остывал суп в банке.

— Рем? — спросил он, не поднимая глаз. — Выездной контроль сюда не ходит.

— Теперь ходит.

— Тогда суп надо приносить на двоих.

Он представился Климом и всё-таки посмотрел на неё. Лицо у него было молодое, а голос — старческий, будто каждую фразу он сначала доставал с дальней полки. Ася назвала номер.

Клим дважды набрал его на стеклянной пластине.

— Номер действующий. Подпись подтверждена. Отзыв отсутствует.

— Время создания?

— Ноль часов четырнадцать минут.

— Глеб Нор произнёс формулу в час сорок две.

— Значит, это не та формула.

Клим повёл пальцем, и одна из светящихся строк поднялась с пола. На ней возникли фамилия Глеба, табельный номер, маршрут и зелёная печать транспортного управления.

— Основание: продолжение обязательной смены после расчётной границы сна, — прочитал он. — Приложение двенадцать, автоматическое продление.

— Продление чего?

— Согласия.

— Какого согласия?

Клим приблизил строку. Текст размножился мелкими примечаниями. Некоторые были такими бледными, что их можно было увидеть только сбоку.

— Первичного, при трудоустройстве.

— Он разрешил изымать сон, когда поступил в депо?

— Нет. Он подтвердил ознакомление с режимом ночных рисков.

— Это разные вещи.

— В основном тексте — да.

Клим коснулся самого бледного примечания. Оно выросло на всю стену:

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСПОЛНЕНИЯ СЛУЖЕБНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПОСЛЕ НАСТУПЛЕНИЯ РАСЧЁТНОЙ ГРАНИЦЫ СНА СЧИТАЕТСЯ ВРЕМЕННЫМ СОГЛАСИ-

ЕМ НА КОРРЕКЦИЮ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБРАЗНОГО
ОСТАТКА В ОБЪЁМЕ, НЕОБХОДИМОМ ДЛЯ СОХРА-
НЕНИЯ БЕЗОПАСНОГО БОДРСТВОВАНИЯ.

— Кто читает это при трудоустройстве? — спросила Ася.

— Журнал.

— Человек, Клим.

— Люди ставят отметку под основным текстом. Приложе-
ния присоединяются по должности.

Ася перечитала оговорку. В ней не было слов «память»,
«изъятие» или «Ночной фонд». Коррекция могла означать
чашку кофе. Образный остаток звучал как мусор, который
всё равно выбросят. А выражение «считается согласием»
превращало присутствие на работе в ответ на вопрос, кото-
рого никто не задавал.

— Покажи, сколько таких продлений было сегодня.

Клим замер.

— Ваш доступ подтверждён к одному номеру.

— Я расследую источник утечки.

— Источник относится к балансу, не к согласию.

— Сон Глеба уже приняли по этому основанию, но он
остался в вагоне без личного следа. Значит, процедура отде-
лила ресурс от человека не полностью. Мне нужен масштаб,
чтобы оценить риск повторения.

Клим посмотрел на суп, потом на закрытую дверь.

— Масштаб не доказывает причину.

— Зато один случай помогает назвать случайностью.

Он вздохнул и положил ладонь на пол. Светящиеся линии дрогнули. Зал оказался не комнатой, а картой всего ночного Ливня. От транспортных депо, больниц, котельных, складов и диспетчерских к центру тянулись зелёные маршруты согласий.

Сотни.

Потом Ася поняла, что видит только текущий час. За каждой яркой линией лежали десятки погасших.

— Три тысячи восемьсот шестьдесят два автоматических продления с полуночи, — сказал Клим. — Обычная сезонная нагрузка.

— Сколько личных подтверждений?

— Двадцать семь.

Регистратор в руках Аси шевельнулся. Девочка за стеклом стёрла ладонью нарисованные рельсы и начала выводить круг.

— Мне нужна копия приложения и сводка.

— Копирование ограничено Управлением.

— Тогда вызови того, кто ограничил.

— Уже.

За спиной открылась дверь. На этот раз полностью.

Илья Тарн вошёл без пальто, в белой рубашке с закатанными рукавами. Начальник Управления бодрствования не выглядел человеком, которого подняли среди ночи: ни складки на щеке, ни неверного шага. Про него говорили, что он спит по двадцать минут и никогда не видит снов. Ася счи-

тала вторую половину слуха рекламой первой.

— Инспектор Рем, — сказал он. — Вы нашли оговорку.

Не «что случилось» и не «почему вы здесь». Он знал.

— Она не была спрятана, полагаю?

— Приложение зарегистрировано, прошло правовую проверку и доступно профсоюзным представителям.

— А водителю?

— Через представителя.

— Глеб Нор не помнит рождения дочери.

Тарн посмотрел на регистратор. Девочка прекратила рисовать.

— Он жив? — спросил он.

— Да.

— Пассажиры?

— Не пострадали.

— Транспортное движение восстановлено?

— Через двенадцать минут.

— Тогда ваша работа выполнена хорошо.

— Его память не считает работу выполненной.

— Память ничего не считает. Это наше удобное название для связи между событиями и человеком. Связи иногда рвутся при долге внимания, даже без коррекции.

— Вы хотите назвать совпадением автоматическое согласие, нулевой личный след и потерю семейного воспоминания?

— Я хочу не называть причиной то, что пока является со-

седством.

Он говорил без нажима, и от этого спор становился опаснее. Тарн не отрицал факты. Он расставлял их достаточно далеко друг от друга, чтобы между ними исчезла дорога.

Ася указала на карту.

— Три тысячи восемьсот шестьдесят два человека согласились за один час, просто не уйдя с работы.

— Они обеспечивают больницы, транспорт, тепло и связь. После полуночи долг внимания растёт нелинейно. Если его не гасить, ошибки перестают быть личными.

— Тогда скажите им цену.

— Цена указана в оценке профессионального риска.

— «Использование образного остатка» — это не «вы можете забыть собственного ребёнка».

На лице Тарна впервые что-то изменилось. Не вина — усталость, слишком старая для этой ночи.

— Если каждому водителю сообщить худшее возможное последствие перед выходом на линию, половина не выйдет.

— Возможно, это и будет ответ.

— А вторая половина повезёт в больницы первую. Вы предлагаете честность как бесплатную процедуру. Она тоже распределяет риск.

— Скрытность не перестаёт быть выбором только потому, что транспорт приходит вовремя.

Тарн подошёл к карте и погасил несколько линий. На их месте вспыхнули красные точки: две операционные, насос-

ная станция, узел управления железнодорожными стрелками.

— Эти люди сейчас не ошибаются благодаря коррекции. Не в теории. В эту минуту. Оговорка появилась после Сонного утра, когда дежурные начали массово отказываться от переноса уже во время аварии. Город получил право защищать тех, кто зависит от их бодрствования.

— Город получил право считать молчание согласием.

— Только продолжение смены.

— Человек не может уйти из кабины посреди маршрута.

— Именно поэтому его бодрствование перестаёт быть только частным делом.

Клим тихо закрыл банку с супом. Ни Ася, ни Тарн на него не посмотрели.

— Я оформляю спор по процедуре, — сказала Ася. — Изъятие Глеба Нора, время регистрации, утрата памяти. И запрашиваю аудит автоматических продлений за девять ночей до Перевода часов.

— Это повлияет на вашу аттестацию.

— Потому что я нашла нарушение?

— Потому что вы называете нарушением действующий порядок до установления причины.

Ася знала таблицу баллов. Неподтверждённый спор снимал два. Превышение доступа — ещё один. До руководящей аттестации ей не хватало как раз трёх.

— Тогда причина обойдётся мне дешевле, чем Глебу.

Тарн протянул руку к регистратору.

— Остаток должен перейти в центральное хранилище.

— Он вещественное доказательство выездного контроля.

— Он нестабилен.

— Поэтому останется у меня до первичного разбора.

Девочка за стеклом подняла голову. На нарисованном круге появились короткие лучи, и Ася поняла: это не солнце. Это циферблат без стрелок.

Тарн убрал руку.

— До шести утра, инспектор. Потом передадите его независимо от результата.

— Если результат не потребует оставить.

— В шесть город проснётся. Требования бодрствования меняются не по результатам вашего расследования.

Он ушёл так же спокойно, как вошёл.

Клим дождался, пока дверь закроется, и вывел сводку на личную пластину Аси.

— Вы только что нарушили ограничение копирования, — сказала она.

— Нет. Я исполнил автоматическое приложение к вашему запросу. Продолжение расследования после предупреждения считается временным согласием Управления на передачу необходимых данных.

Ася посмотрела на него.

— Такого приложения нет.

— Теперь вы понимаете принцип.

На пластине раскрылась таблица. Три тысячи восемьсот шестьдесят две строки. В каждой стояла зелёная отметка формальной безупречности. В графе личного подтверждения почти везде был ноль.

А в графе профессии повторялись одни и те же слова: водитель, медсестра, диспетчер, кочегар, охранник, уборщица.

Не люди, которые выбрали отдать сон.

Люди, которым смена не оставила способа сказать нет.

Глава 3. Три минуты пробуждения

До клиники пробуждения оставалось девять минут, а до первой необратимой ошибки Глеба Нора — три.

Так утверждала бегущая строка на стекле санитарного лифта.

`ОРИЕНТАЦИЯ: 41%`

`УДЕРЖАНИЕ ЛИЧНОГО КОНТЕКСТА: 18%`

`ПРОГНОЗ ДО САМОНАЗНАЧЕНИЯ: 00:02:57`

Глеб сидел на складном кресле между Асей и санитаром, пристёгнутый не ремнями, а тонкой медной нитью. Нить проходила через петли на рукавах и светилась всякий раз, когда он пытался встать. Пока она загоралась редко. Глеб смотрел на свои ладони с терпеливым удивлением человека, которому выдали чужие вещи и пообещали скоро объяснить.

— Самоназначение — это что? — спросила Ася.

Санитар поправил на коленях серый чемоданчик.

— Когда он решит, кем является. Потом переубеждать будет поздно.

— Он знает, кем является.

— Знает должность, адрес депо и порядок торможения на мокрых рельсах. Это служебная ориентация. Личная сейчас собирается вокруг пробела.

Глеб поднял глаза.

— Я водитель.

— Вы Глеб Нор, — сказала Ася. — У вас есть дочь Вера. Он вежливо улыбнулся, словно она снова перепутала пассажира.

— Детей у меня нет.

Строка отсчитала пять секунд.

За прозрачной стеной лифта уходил вниз ночной Ливень. Клиника занимала перевёрнутую башню: приёмные этажи висели над крышей старой типографии, а палаты спускались в её шахты. Считалось, что пробуждать безопаснее ближе к земле. Ася подозревала, что так было дешевле укреплять стены.

В стекле она увидела отражение регистратора. За мутной перегородкой девочка Глеба уже не рисовала. Она стояла внутри солнечного круга и держала руки перед собой, будто ждала, что отец подхватит её.

— Не показывайте ему остаток, — предупредил санитар. — Чужой образ в момент самоназначения может стать опорным.

— Он не чужой.

— Для прибора — нет. Для пациента — да.

Лифт ударился о нижнюю остановку. Двери раскрылись в круглый зал, залитый светом без теней. На полу сходились двенадцать белых линий, каждая вела к двери с именем врача. Над одной горело: `МИРА СОЛЬ. ЭКСТРЕННОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ. НЕ СТУЧАТЬ`.

Дверь распахнулась прежде, чем каталка пересекла ли-

нию.

Мира Соль была невысокой женщиной в синем халате, застёгнутом не на те петли. Волосы она собрала канцелярским зажимом. В одной руке держала чашку, в другой — две прозрачные карточки, и по выражению её лица Ася поняла: кофе в чашке был не её, а карточки уже успели её рассердить.

— Кто разрешил везти вещественный остаток рядом с пациентом?

— Я, — ответила Ася.

— Тогда вы останетесь и запишете, почему это было плохой идеей. Глеб, слышите меня?

— Да.

— Как вас зовут?

— Глеб Нор. Водитель четвёртого маршрута.

— Не спрашивала, кем вы работаете.

— Водитель четвёртого маршрута.

Мира отдала чашку санитару, карточки — Асе и повела Глеба внутрь. Комната оказалась почти пустой: три стула, часы с тремя стрелками и узкая стойка, на которой лежали предметы. Ключ с синей биркой. Детская варежка. Билет на речной трамвай. Обгоревшая ложка. Флакон духов без этикетки.

— Что это? — спросила Ася.

— Ничего его. Поэтому безопасно.

Мира усадила Глеба перед стойкой. Медная нить погасла. Над дверью появилась новая строка: `ДО САМОНАЗНАЧЕ-

НИЯ 00:02:31`.

— Глеб, выберите предмет, который вызывает самое сильное чувство.

Он осмотрел ряд.

— Ключ.

— Какое чувство?

— Надо вернуть диспетчеру.

— Это обязанность. Чувство?

— Нельзя задерживать выпуск вагона.

Мира повернулась к Асе.

— Видите? Служебный каркас цел. Он притягивает всё, что осталось без подписи владельца. Через две минуты пациент решит, что родился водителем, живёт в депо и отдыхает между оборотными кругами.

— И вы можете это остановить?

— Могу дать памяти другую точку сборки. Вернуть прежнюю — не обещаю.

Она сказала это Глебу, не Асе:

— У вас изъята связь с важным человеком. Мы попробуем восстановить маршрут к ней. Процедура может ослабить другую личную связь. Вы согласны?

— Если это не помешает смене.

— Вот это не согласие, — сказала Ася.

— Я знаю.

Мира коснулась пальцами его виска. На ногте большого пальца вспыхнул красный огонёк.

— Глеб, у вас есть дочь. Её зовут Вера. Вы хотите вспомнить её, даже если не понимаете сейчас, почему это важно?

Он посмотрел на детскую варежку. Та была зелёной и слишком маленькой даже для Веры из городского дела.

— У меня нет детей.

— Это ответ повреждения. Мне нужен ваш.

— А где он?

Мира на мгновение закрыла глаза.

— Хороший вопрос. Инспектор Рем, подойдите.

На первой карточке значился протокол автоматического согласия. На второй — допуск к экстренному восстановлению, уже отмеченный зелёной печатью.

— Это вы подписали? — спросила Ася.

— Система выдала допуск по факту доставки.

— Пациент ещё ничего не разрешил.

— Если я стану ждать полноценного решения, через две минуты решать будет должность. Закон считает предпочтительной более раннюю личность.

— А цена?

— Неизвестна, пока мы не увидим, что система предложит в обмен.

— Тогда он не может оценить риск.

— Именно.

Часы показывали минуту сорок восемь.

Мира придвинула к Глебу билет на речной трамвай.

— Представьте человека, которому вы однажды обещали

вернуться. Не имя. Не лицо. Только обещание.

Он долго молчал. Потом правая рука сжалась на колене.

— Был дождь.

— Где?

— На причале. Нет. Под крышей. Вода текла за воротник.

— Кто ждал?

— Женщина.

За стеклом регистратора девочка повернула голову. Солнечный круг поплыл, вытянулся в жёлтую лампу над остановкой.

Мира увидела это одновременно с Асей.

— Уберите остаток за перегородку.

— Он реагирует.

— Поэтому уберите.

Ася поставила регистратор в нишу и опустила свинцовое стекло. Девочка исчезла. Глеб вздрогнул.

— Вера, — сказал он.

На часах оставалась минута двадцать три.

— Кто такая Вера? — быстро спросила Мира.

— Она... маленькая.

— Насколько?

— Я держал её. Она была легче сумки кондуктора.

— Где вы её держали?

Глеб приложил обе ладони к груди, оставив между ними пустоту.

— Здесь.

Комната изменилась не светом и не звуком. Просто у детской варежки вдруг появилась тень, хотя лампы по-прежнему били со всех сторон. Тень потянулась к ногам Глеба. От флакона пахло мокрой сиренью.

Мира сорвала с часов самую тонкую стрелку и приложила к его запястью. Металл стал мягким, как нить, и обвился вокруг кожи.

— Держите пустоту. Не заполняйте её тем, чего не знаете. Как она смеялась?

— Громко.

— Это вы помните или предполагаете?

— Не знаю.

— Хорошо. Не врите памяти. Что знаете точно?

— Она хватала меня за палец.

— Каким пальцем?

Глеб вытянул левую руку. Безымянный палец дёрнулся.

— Этим.

Мягкая стрелка на запястье потемнела. На её поверхности проступили два имени: `ВЕРА` и ниже, слабее, `ЛАДА`.

Мира выругалась шёпотом.

— Кто такая Лада? — спросила Ася.

— Пока не знаю. Глеб, смотрите на меня. Кто такая Лада? Он улыбнулся. Впервые не вежливо, а виновато и тепло.

— Опять забыла зонт.

— Где она сейчас?

— Дома, наверное. Я обещал вернуться к завтраку.

Имя `ЛАДА` стало бледнее.

— А Вера?

Улыбка исчезла.

— Вера ждёт у мамы.

— Кто её мама?

Глеб открыл рот.

На часах оставалось сорок семь секунд.

— Не могу...

— Не вытаскивайте имя силой, — сказала Мира. — Расскажите про завтрак.

— Сырники. Лада их сжигает с одной стороны, а потом говорит, что это карамель.

Имя на стрелке почти исчезло. Зато `ВЕРА` налилось тёмным, будто буквы прорезали в металле.

— Остановитесь, — сказала Ася.

Мира не обернулась.

— Если остановлюсь сейчас, он удержит обе связи по несколько минут и потеряет обе.

— Вы стираете его жену.

— Я ничего не стираю. Я вижу, откуда процедура берёт связность.

— Это большая разница для вас?

— Для суда — возможно. Для него — нет.

Двадцать девять секунд.

Мира положила перед Глебом детскую варезку.

— Это не Веры. Не делайте её Вериной. Вспомните насто-

ящую вещь дочери.

— Красные сапоги, — выдохнул он. — Она не хотела их снимать. Даже спала в одном.

— Почему в одном?

— Второй Лада спрятала.

— Кто такая Лада?

Глеб посмотрел на неё испуганно.

— Не знаю.

Стрелка обожгла его запястье белым светом. Имя исчезло.

В ту же секунду над дверью погас отсчёт. Вместо него возникло:

`ЛИЧНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ УСТАНОВЛЕНА`

Глеб выдернул руку и вскочил.

— Где Вера?

— В безопасности, — сказала Мира. — Сядьте.

— Я оставил её одну?

— Нет. Она у матери.

— У какой матери?

Мира молчала.

Ася подняла вторую карточку. Зелёная печать допуска превратилась в отчёт. Строки заполнялись одна за другой:

`КОНТЕКСТ-ЦЕЛЬ: ДОЧЬ ВЕРА НОР`

`УСТОЙЧИВОСТЬ СВЯЗИ: 72%`

`КОМПЕНСИРУЮЩИЙ ИСТОЧНИК: СУПРУГА ЛАДА НОР`

ОСТАТОЧНАЯ ДОСТУПНОСТЬ ИСТОЧНИКА: 3%

Последняя строка появилась не сразу.

БАЛАНС ВОССТАНОВЛЕН

— Это ваш медицинский термин? — спросила Ася.

— Нет, — ответила Мира. — Это термин Управления бодрствования.

Глеб ходил между стульями, задевая их коленями.

— У Веры есть мать. Я знаю. Она звонит мне, когда я опаздываю. Она... носит жёлтое пальто.

— Как её зовут?

— Не знаю.

— Вы её любите?

Он прижал ладонь к груди, словно там должна была обнаружиться инструкция.

— Я должен?

Мира сняла со стены трубку и набрала внутренний номер.

— Семейную бригаду в третью. И предупредите Ладу Нор: муж узнает её по фактам, но не по личной связи. Пусть не приходит одна.

Из трубки что-то спросили.

— Нет, процедура успешна, — сказала Мира и посмотрела на Асю. — По действующей форме.

Она положила трубку так аккуратно, что щелчок прозвучал громче крика.

Ася подняла свинцовое стекло ниши. В регистраторе девочка снова стояла в солнечном круге. Теперь рядом с ней

была женщина в жёлтом пальто, но лицо женщины расплывалось, словно его смывал дождь.

— Остаток забрал Ладу? — спросила Ася.

— Нет. Остаток показал, куда ушла связь.

— Куда?

Мира взяла отчёт и увеличила служебные поля. Под крупной надписью о восстановленном балансе обнаружилась серая строка, предназначенная, судя по размеру, не для человеческих глаз:

**ОПЕРАЦИЯ: ВНУТРЕННЕЕ ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕ
АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ СВЯЗНОСТИ.**

— Экстренное пробуждение не создаёт связь, — сказала Мира. — Оно переносит доступность с одной на другую. Обычно берёт слабую, дальнюю, ту, которой пациент давно не пользовался. Здесь система выбрала жену.

— Почему именно её?

— Потому что она была ближайшим маршрутом к дочери. Общие годы, дом, роды, завтраки. Чтобы вернуть Веру, процедура прошла по Ладе и разобрала дорогу позади себя.

— Вы знали, что так бывает?

Мира сжала канцелярский зажим в волосах. Металл лопнул, прядь упала ей на лицо.

— Я знала о замещающих потерях. После процедуры люди забывают школьного друга, старую квартиру, лицо умершей бабушки. Так написано в наблюдениях. Нам говорят, что повреждённый мозг освобождает место для более значи-

мой связи.

— А вы верили?

— Я врач. Я верю повторяемости. Объяснениям — после неё.

Она развернула карточку к свету.

— Но это не мозг выбрал Ладу. Поле `компенсирующий источник` заполнилось до завершения процедуры. Система рассчитала обмен.

Ася достала личную пластину и открыла спор. До сих пор в графе причинности стояло: `не установлена`. Она приложила отчёт Миры. Пластина запросила категорию доказательства.

— Не торопитесь, — сказала Мира.

— У нас есть прямая запись.

— У нас есть один пациент после аварии, изъятия и экстренной процедуры. Тарн скажет, что каждое звено могло внести повреждение.

— А вы что скажете?

Мира посмотрела на Глеба. Тот держал детскую варежку двумя пальцами и спрашивал у неё, не принадлежит ли она Вере.

— Что за двенадцать лет провела восемьсот сорок одно возвращение. В шестидесяти трёх случаях возникала замещающая потеря. Я считала её осложнением.

— А теперь?

— Теперь хочу увидеть, куда уходило забытое.

Ася выбрала категорию: `механизм распределения`. Система потребовала подпись врача.

Мира провела пальцем по краю карточки, но не коснулась поля.

— Если подпишу, все мои успешные процедуры станут спорными.

— Они уже спорные.

— Нет. Сейчас они лежат в архивах под словом «помощь». После моей подписи у каждого появится имя того, кем заплатили.

Из коридора донёсся быстрый женский голос. Он приближался, перебивая санитаря:

— Я его жена. Уберите руки. Глеб! Глеб, я здесь.

Глеб повернулся к двери. На лице появилась готовая благодарность незнакомому человеку, который пришёл помочь.

Мира поставила подпись.

Дверь открылась. Женщина в жёлтом пальто остановилась на пороге. Волосы прилипли к мокрым щекам, в руке она сжимала один красный детский сапог.

— Ты опять без зонта, — сказал Глеб.

Лада рассмеялась от облегчения и шагнула к нему.

Он отступил.

— Простите, — добавил он. — Мы знакомы?

На пластине Аси спор сменил цвет с жёлтого на красный. Под подписью Миры появилась отметка: `ПРИЧИНА СВЯЗЬ ПРЕДВАРИТЕЛЬНО ПОДТВЕРЖДЕНА`.

А рядом система открыла новый маршрут документа — не к медицинскому архиву и не к комиссии по осложнениям. К Ночному фонду.

Глава 4. Архив чужих лестниц

Клим встретил их у служебного входа в архив с тремя кружками пустыми и одной полной.

— Кофе только мне, — объяснил он. — Вам понадобится свободная рука для поручня.

— В архиве нет лестниц, — сказала Ася.

Она открыла план четвёртого этажа на пластине. Зал со-гласий занимал прямоугольник между лифтовой шахтой и наружной стеной. За ним шла техническая полость шириной метр двадцать, потом соседнее Управление учёта. Ни переходов, ни перепадов высоты.

— Поэтому поручень особенно важен, — сказал Клим.

Мира пришла прямо из клиники. Синий халат она сменила на серое пальто, но застегнула его так же неровно. В кармане лежала копия отчёта Глеба. Каждые несколько шагов Мира проверяла, на месте ли карточка, будто документ мог забыть её раньше, чем она его.

— Семейная бригада осталась с ними? — спросила Ася.

— Да. Лада знает, что нельзя доказывать любовь семейными фотографиями. Глеб знает, что его незнание не делает её лгуньей. Для первой ночи это больше, чем обычно.

— А Вера?

— Спит у бабушки. Пока это лучшее, что кто-нибудь из нас способен для неё сделать.

Клим протянул Мире пустую кружку.

— Если услышите своё имя снизу, бросьте кружку.

— Почему?

— Чтобы понять, что вы его услышали. Внутри легко принять чужое воспоминание за мысль.

Он приложил к двери не жетон, а ложку из своей банки с супом. Замок щёлкнул.

— Серьёзно? — спросила Ася.

— Вещественный ключ не может забыть полномочия. Жетон — может.

За дверью начинался знакомый зал светящихся маршрутов согласия. Только теперь линии на полу были погашены, а воздух пах озоном и остывшим укропом. Клим дошёл до середины, опустился на колени и нашёл среди чёрных плит одну с едва заметной щербиной.

— Помогите.

Втроём они подняли плиту. Под ней не было ни люка, ни проводов — только такой же чёрный пол.

— И что мы открыли? — спросила Мира.

— Ошибку измерения.

Клим достал из кармана моток белой нити, прижал конец к щербине и пошёл к стене. Нить легла прямо. У стены он передал моток Асе.

— Держите натянутой.

Потом вернулся к началу и пошёл снова. На седьмом шаге его ботинок провалился ниже пола на толщину подошвы. На

восьмом — по щиколотку. На девятом Клим уже стоял на невидимой ступени, хотя чёрные плиты вокруг оставались ровными.

Нить в руках Аси изгибалась вниз.

— Оптическая защита? — спросила она.

— Бухгалтерская. Пространство записано как хранение списанного, а всё списанное имеет нулевую высоту.

— Так не работает геометрия.

— Геометрия не проходила муниципальную приёмку.

Клим сделал ещё шаг и исчез по пояс. Мира бросила пустую кружку. Та ударилась о видимый пол, отскочила и покатилась вниз по ступеням, которых не существовало.

Каждый удар звучал всё глубже.

— Моё имя никто не звал, — сказала она. — Я просто хотела проверить.

— Теперь у нас нет запасной кружки.

Клим исчез целиком.

Ася ступила туда, где только что была его голова. Нога ожидала твёрдого пола и нашла воздух. Она ухватилась за белую нить. Под подошвой возник край ступени, холодный и узкий.

— Не смотрите на зал, — донёсся снизу голос Клим. — Он будет убеждать, что вы падаете.

Зал действительно поднялся перед Асей вертикальной стеной. Светящиеся маршруты согласий вспыхнули и потекли вверх, как дождь наоборот. Желудок решил, что тело со-

рвалось. Ася закрыла глаза и сделала второй шаг, потом третий.

Пальцы Миры легли ей на плечо.

— Если остановитесь, я упаду вместе с вами.

— Очень врачебная поддержка.

— Зато правдивая.

На двенадцатой ступени иллюзия исчезла. Они стояли в узком каменном коридоре, уходившем под зал согласий. Белая нить тянулась сверху сквозь сплошной потолок. Кружка лежала у стены целая.

Стены коридора были заставлены металлическими ящиками. На каждом — номер процедуры, дата и одно слово: `ЗАМЕЩЕНО`.

— Это медицинский архив? — спросила Мира.

— Формально — склад незначимых последствий, — ответил Клим. — Медицинские карты хранят диагноз и результат. Сюда попадает то, что пришлось отделить от результата, чтобы форма закрылась успешно.

— Кто определяет незначимость?

— Поле длиной в сорок знаков.

Клим провёл ложкой по замкам. Несколько ящиков отозвались тонким звоном.

— После вашего запроса система связала отчёт Глеба с этой секцией. Я проверил шестьдесят три случая доктора Соль. Потом расширил выборку.

— Без допуска? — спросила Ася.

— С допуском. Ваша продолжающаяся проверка считается согласием Управления на необходимые архивные действия.

— Вы опять придумали приложение.

— Один раз — шутка. Два — метод.

Мира остановилась у ящика `П-11903`.

— Это моя процедура.

Она помнила пациента: старший повар школьной столовой, трое суток державшийся на ногах во время затопления района. После возвращения ориентации он перестал узнавать музыку, под которую танцевал с покойным мужем.

— В карте написано «снижение эмоционального отклика на знакомые мелодии», — сказала Мира. — Я просила наблюдение через месяц.

— Наблюдение отменили после успешной выписки.

Клим открыл ящик.

Внутри не было документов. На дне лежала миниатюрная лестница — пять деревянных ступенек, обрывавшихся у пустой площадки. Ася наклонилась. Ступеньки пахли горячим хлебом и речной водой. Откуда-то снизу донеслись два такта мелодии, и Мира судорожно вдохнула.

— Это не его музыка, — сказала она. — Я её не слышала. Но знаю, что следующий звук должен быть выше.

— Не продолжайте, — предупредил Клим.

Он закрыл крышку. Музыка оборвалась.

В соседнем ящике лежала лестница из кафельных плиток.

В следующем — пожарная, покрытая инеем. Потом верёвочная, детская, мраморная, слепленная из мокрого песка. Все поднимались на пять ступеней и обрывались.

— Повторяющийся образ, — сказала Ася.

— Архивный классификатор считает их разными, — ответил Клим. — Материал, место, владелец, эмоциональный тон не совпадают.

— А форма совпадает.

— Форма не является учётной единицей.

Мира открыла ещё один ящик. Там лестница была вырезана из школьной линейки. На первой ступени стояла цифра три, на последней — семь.

— Чья потеря?

Клим сверился с реестром.

— Учительница математики. После пробуждения забыла сестру, с которой училась в одном классе.

— Эти лестницы — маршруты между связями? — спросила Ася.

— Скорее квитанции, — сказал Клим. — Память забрали отсюда и провели куда-то дальше. Пять ступеней — число внутренних передач.

— Откуда вы знаете?

— Не знаю. Но в старых ящиках ступеней меньше.

Они пошли глубже. Даты на крышках отступали год за годом. Лестницы менялись. За пять лет до Сонного утра в них было по четыре ступени. За восемь — по три. Самые ранние

замещающие потери хранили единственную ступень: порог дома, подножку автобуса, камень у реки.

После даты Сонного утра все лестницы стали пятиступенчатыми.

— Значит, добавились четыре посредника, — сказала Мира.

— Или четыре места назначения, — возразила Ася.

Клим достал из дальнего ящика карточку, почерневшую по краям. На ней ещё можно было прочесть старую схему передачи:

ПАЦИЕНТ → КЛИНИЧЕСКИЙ РЕЗЕРВ`.

Под ней более новые печати добавляли звенья:

КЛИНИЧЕСКИЙ РЕЗЕРВ → УРАВНИВАТЕЛЬ`

УРАВНИВАТЕЛЬ → ГОРОДСКОЙ ОСТАТОК`

ГОРОДСКОЙ ОСТАТОК → НОЧНОЙ ФОНД`

Последняя стрелка уходила за край карточки, но название получателя было выскоблено.

— Пять ступеней, а здесь четыре передачи, — сказала Ася.

— Первая — то, что человек потерял, — ответила Мира.
— Пятая — тот, кто получил.

Из глубины коридора раздался звон. Кто-то уронил кружку.

Все трое стояли на месте.

Потом снизу позвал голос:

— Ася.

Он принадлежал Яну.

Она знала, что брат сейчас дома. Знала также, что знание в архиве ничего не доказывает: здесь мысли могли приходить из открытого ящика, запах — из чужой кухни, а имя — с последней ступени чужой памяти.

И всё же ответ едва не сорвался с языка.

Клим ударил ложкой по трубе. Резкий металлический звук разрезал коридор.

— Своё имя слышали? — спросил он.

— Голос брата.

— Это хуже. Имя зовёт вас. Близкий голос предлагает пойти добровольно.

— Куда ведёт коридор?

— По плану — в фундамент.

— Мы на четвёртом этаже.

— Поэтому я и принёс нить.

Голос позвал снова, теперь тише:

— Ась, здесь ступень сломана.

Так Ян говорил в детстве, когда они лазили по пожарной лестнице старого дома. Не «Ася», а «Ась». И сломанной была третья ступень. Она помнила ржавчину под ладонью, его пятку над своей головой и коробку, которую они несли на крышу.

Коробка была...

Цвет не пришёл. Его Ася потеряла в трамвае.

Из темноты коридора выкатилась картонная коробка. На

её боку проступала детская ладонь. Крышка приоткрылась, показывая полоску цвета — именно того, которого Ася не могла вспомнить.

— Не трогайте, — сказала Мира.

— Это моё.

— Поэтому не трогайте.

Ася присела рядом, не касаясь коробки. Регистратор Глеба под пальто ожил. Девочка за стеклом показывала не на коробку, а дальше, туда, откуда она приехала.

— Моя потеря уже здесь, — сказала Ася. — Изъятие было меньше трёх часов назад.

Клим побледнел.

— Архив принимает закрытые осложнения раз в сутки.

— Значит, это не архивная доставка.

Мира достала карточку Глеба. Серая строка перераспределения светилась сквозь материал, как маршрут на просвет. Стрелка после Ночного фонда поворачивала в сторону коридора.

Они пошли за ней.

Ящики кончились. Стены сузились, камень сменился гладким серым металлом. Белая нить теперь тянулась за ними по полу, но моток в руке Аси не становился меньше. Пространство отдавало длину так же неохотно, как система — цену.

Впереди появилась лестница.

Пять ступеней.

Первая была деревянной и пахла хлебом. Вторая — кафельной, холодной от больничной воды. Третья состояла из школьных линеек. Четвёртая была железной, со следом детской пятки. Пятая казалась вырезанной из солнечного света.

На верхней площадке стояла дверь без надписи.

Ася открыла план здания. Синяя точка показывала их посреди технической полости между двумя управлениями. До наружной стены — метр двадцать. За дверью мог находиться только воздух над улицей.

— Это вход в Ночной фонд? — спросила Мира.

— Нет, — сказал Клим. — Вход в Ночной фонд находится под центральной башней. У него семь постов и отдельная линия лифта.

— Тогда что здесь?

Клим посветил ложкой на косяк. Под слоем серой краски обнаружился инвентарный штамп:

‘ВЫХОД НОЧНОГО ФОНДА. ВЫДАЧА КОМПЕНСИРУЮЩИХ ОСТАТКОВ’.

Не вход.

То место, через которое фонд возвращал городу переработанную память.

За дверью кто-то медленно поднимался с другой стороны. Сначала скрипнула нижняя ступень, потом вторая.

Ася погасила пластину. Мира прижала к груди отчёт Глеба. Клим поднял ложку, словно это был ключ, оружие и единственное доказательство здравого смысла сразу.

На пятой ступени шаги остановились.
Дверная ручка повернулась.

Глава 5. Брат, который не спит

Дверь открылась внутрь, и на пороге появился человек в оранжевой куртке аварийной службы. Он пятился, обеими руками таща низкую тележку. На тележке стояли шесть серых баллонов, соединённых прозрачными трубками. В каждой трубке медленно поднимался светлый пузырёк.

Человек заметил Асю только тогда, когда колесо тележки упёрлось в её ботинок.

— Выдача закрыта, — сказал он без удивления. — Следующее окно в два двадцать.

На его груди висела бирка городского теплосетевого участка. Вместо имени на ней значилось: `БРИГАДА 12-Б`. Кожа вокруг глаз была серой от недосыпа, но взгляд оставался слишком ясным, будто усталость из него аккуратно вынули.

— Что вы получаете? — спросила Ася.

— Поддержку внимания на аварийный выезд.

— Из этих баллонов?

— Я не обязан знать состав.

Он произнёс это ровно, как строку инструктажа. За спиной у него тянулся узкий тоннель. По потолку шли три трубы: молочно-белая, янтарная и чёрная. Белая дрожала в ритме чужого дыхания. Янтарная отдавала сухим теплом. Чёрная была холодной и временами негромко произносила даты.

Клим шагнул к тележке и посветил ложкой на маркировку баллонов.

КОМПЕНСИРУЮЩИЙ ОСТАТОК. ПРОФИЛЬ: ПРОСТРАНСТВЕННАЯ СВЯЗНОСТЬ. ДОПУСК: АВАРИЙНЫЕ СЕТИ.

Ни имени владельца, ни номера согласия.

— Пространственная связность, — повторила Мира. — Это не внимание. Это память о местах.

Работник пожал плечами.

— Мне нужно помнить схему коллектора. Если не помнить, район останется без тепла.

— А чью кухню вы забудете вместо коллектора? — спросила она.

Он посмотрел на неё с раздражением человека, которому мешают чинить очевидную поломку.

— Кухни нет в наряде.

Ася предъявила жетон.

— Инспектор Рем. Остановите выдачу до проверки происхождения ресурса.

Бирка на куртке мигнула. В воздухе возникла короткая служебная строка: ПРИОРИТЕТ НЕПРЕРЫВНОСТИ. ИНСПЕКЦИОННАЯ ЗАДЕРЖКА НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

— У меня восемь минут, — сказал работник. — Потом трубу разорвёт под детской поликлиникой.

За его спиной в тоннеле зазвенели другие тележки.

Ася увидела три развилки. На левой стене светились пик-

тограммы больницы и капля крови. На правой — рельс и колесо. Прямо — молния в квадрате. По коридорам двигались люди без имён: бригады, смены, расчёты. Они увозили переработанные остатки туда, где городу требовалась точность, терпение, знание маршрутов и способность не закрывать глаза.

Ночной фонд не просто хранил отнятое. Он превращал личную память в служебный навык.

— Если задержим его, риск реальный? — спросила Ася у Клима.

Клим посмотрел на показания тележки.

— Давление в сети настоящее. Но автоматическая выдача назначена не на аварию. Она назначена на профессию. Баллоны подготовили до прорыва.

— Потому что прорывы случаются, — сказал работник. — Отойдите.

Он рванул тележку. Один баллон качнулся, трубка натянулась, и внутри серого металла вспыхнула картинка: маленькая прихожая, мокрые варежки на батарее, женщина, придерживающая дверь коленом. Работник замер.

— Это ваше? — спросила Мира.

— Не знаю.

Но руку к баллону он протянул так, будто хотел поправить варежки.

Мира пережала прозрачную трубку медицинским зажимом. Пузырёк остановился.

— Теперь знаете?

Работник зажмурился. Когда открыл глаза, в них наконец появилась усталость.

— Это наш первый дом, — сказал он. — Мы там восемь лет не живём.

На бирке вспыхнуло предупреждение о снижении готовности. Где-то в глубине тоннеля ударил сигнал аварийного выезда.

— Верните подачу, — потребовал он. — Я потом разберусь с домом.

— «Потом» не будет, если вы забудете, что потеряли, — сказала Мира.

— А если сейчас не поеду, потом не будет у тех, кто в поликлинике.

Это был не аргумент Тарна из кабинета. Здесь пахло мокрой спецовкой и нагретым металлом, а красная лампа отсчитывала не моральную правоту, а давление в трубе.

Ася сняла зажим.

Пузырёк прошёл дальше. Прихожая погасла. Работник толкнул тележку и почти бегом исчез в правом коридоре.

— Вы позволили списание, — сказала Мира.

— Я позволила ему доехать.

— Для системы это одна и та же строка.

— Поэтому нам нужна другая строка.

Ася подошла к распределительному щиту. На экране бежал перечень профессий и нормативов. `ХИРУРГИЧЕ-

СКАЯ СМЕНА — 4,2`. `ДИСПЕТЧЕРЫ ЭНЕРГОСЕТИ — 3,8`. `НОЧНОЙ ТРАНСПОРТ — 2,6`. Рядом указывался рекомендуемый тип остатка: лица, места, привязанности, последовательности. Система подбирала не то, чем человек мог пожертвовать, а то, что легче всего преобразовывалось в нужную функцию.

Клим нашёл сервисное меню.

— Есть история заявок. Но получатели снова без имён.

— Ищите по номеру согласия Глеба.

— Номер уже погашен. Его потеря разбита между четырьмя выдачами.

— Тогда по моей коробке.

Клим ввёл время осложнения. На экране появилась строка: `ИСТОЧНИК: ВНЕПЛАНОВАЯ ИНСПЕКЦИОННАЯ ПОТЕРЯ. ПРОФИЛЬ: СЕМЕЙНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ. РЕЗЕРВ: НОЧНОЙ УХОД`.

— Кому нужен семейный навык для работы? — спросила Ася.

Мира уже листала получателей.

— Не навык. Устойчивость рядом с испуганным человеком. Ночные сиделки, приёмные отделения, кризисные бригады.

Одна заявка была открыта сейчас. Получатель: `МОБИЛЬНАЯ ГРУППА ТЯЖЁЛЫХ СНОВ, СЕВЕРНЫЙ СЕКТОР`. Время выдачи — два ноль пять. Основание — внеочередной караул одного пациента с семейным фактором риска.

Ася знала только одного пациента северного сектора, ради которого назначали семейный караул.

Её пластина завибрировала.

Сообщение пришло не от Яна, а от диспетчерской его депо: `Работник Рем Ян продлил смену до 06:00. Подтвердите контактное лицо на случай коррекции`.

— Он говорил, что сегодня дома, — сказала Ася.

Она вызвала брата. Вместо голоса возникла схема трамвайного кольца и надпись: `АБОНЕНТ НА МАРШРУТЕ`.

— Ян водит трамвай? — спросила Мира.

— Обслуживает стрелки. После того случая ему запретили ночные линии.

Ася открыла служебный профиль брата. Запрет исчез. На его месте стоял временный допуск Управления бодрствования: дополнительная смена разрешена при непрерывном контроле сна. Ниже уже зеленело согласие на коррекцию, созданное в полночь автоматически.

Подпись Яна отсутствовала.

Зато в графе риска значилось: `РЕЦИДИВ ТЯЖЁЛЫХ ОБРАЗОВ. ТРИ ЭПИЗОДА ЗА СЕМЬ СУТОК`.

Ася перечитала строку. Потом ещё раз, будто число могло превратиться в ноль от правильно проведённой проверки.

— Он мне не сказал.

— Возможно, не помнит, — тихо сказала Мира.

— Такое не забывают.

— Здесь именно это и делают.

Клим вывел историю коррекций Яна. Две процедуры прошли за последнюю неделю. После первой списали воспоминание о школьном дворе. После второй — голос отца. Обе потери признали малозначимыми, потому что отец умер, а школа была снесена.

Третья процедура назначалась на два десять.

Через пять минут.

— Что возьмут? — спросила Ася.

Мира открыла прогноз. На экране возникла шкала совместимости. Верхнюю строку занимала `СВЯЗЬ С КОНТАКТНЫМ ЛИЦОМ: СЕСТРА`.

— Меня, — сказала Ася.

— Не вас целиком. Системе нужна связность семейного караула. Она возьмёт ту часть, которая помогает ему отличить ваше присутствие от угрозы.

— То есть меня.

Из чёрной трубы над ними донеслась дата. День, когда Ян впервые проснулся на лестничной площадке с разбитыми костяшками и не узнал соседскую дверь.

Ася потянулась к щиту.

— Как отменить?

Клим пролистал полномочия.

— Получатель может отозвать согласие до начала процедуры.

— Согласия не было.

— Для отзыва оно считается существующим. Для оспари-

вания — завершённым. Очень экономная логика.

— Инспектор может приостановить спорную передачу.

— На двенадцать минут, если источник уже изъят. Здесь источник — сам Ян. Пока он работает, Управление считает ресурс поступившим.

Ася вызвала диспетчера депо.

На связи появился пожилой мужчина в защитных наушниках. За ним искрила мокрая стрелка.

— Рем на северном кольце, — сообщил он. — У нас отказ автоматики, ручную держит перевод.

— Снимите его со смены.

— Некем заменить.

— У него медицинский запрет.

— Управление прислало допуск. До шести утра он устойчив.

— Процедура устойчивости сотрёт контактное лицо.

Диспетчер на секунду отвёл взгляд. Значит, он знал достаточно, чтобы не удивиться.

— Инспектор, если Ян отпустит рычаг, первый грузовой пойдёт на пассажирскую линию. Дайте мне двадцать минут.

— У нас четыре.

— Тогда пришлите замену за четыре.

Связь оборвалась.

Мира сняла со стены карту технических выходов.

— Процедуру проводят в мобильной группе. Она уже едет к кольцу.

— Мы можем перехватить её здесь?

— Баллоны выдадут через северный шлюз. Но даже если заблокировать выдачу, тяжёлый сон останется у Яна во время аварийной работы.

— Что произойдёт?

— Не знаю. Он может увидеть стрелки как часть сна. Может заснуть стоя. Может передать образ водителям. Запрет был не формальностью.

Ася посмотрела на перечень выдач. Город предлагал ей выбор, заранее разделённый на две удобные графы: безопасность линии или память брата. Так работала вся система. Она называла неизбежным то, для чего не оставляла третьей строки.

— Нужен человек, который удержит его в бодрствовании без списания.

— На тяжёлом рецидиве одного человека мало, — сказала Мира. — Нужен знакомый голос, повторяемая реальность и тот, кто возьмёт на себя часть образа, если начнётся утечка.

— Вы умеете?

— Умею проводить процедуру. Не отменять её цену.

— А я умею изымать опасные сны.

Клим покачал головой.

— Вы не можете быть одновременно контактным лицом и инспектором изъятия. Протокол считает это конфликтом восприятия.

— Протокол уже считает молчание согласием.

Ася вставила жетон в щит. Пластина запросила основание вмешательства. Она выбрала `НЕПОСРЕДСТВЕННАЯ УГРОЗА`, затем ввела имя получателя.

Система ответила: `ИНСПЕКТОР ЯВЛЯЕТСЯ ПРЕДПОЛАГАЕМОМ ОСЛОЖНЕНИЕМ. ДОСТУП ЗАПРЕЩЁН`.

— Значит, она заранее знает, что спишет меня, — сказала Ася.

Она вынула жетон и протянула его Климу.

— Оформите задержку на двенадцать минут.

— А вы?

— Поеду к Яну.

— Без жетона вы не сможете войти в контур процедуры.

Ася взяла со стены пустую бирку аварийной бригады и приложила к сервисному считывателю. Поле имени осталось пустым, зато появилось назначение: `РУЧНОЕ УДЕРЖАНИЕ МАРШРУТА`.

— Здесь пропускают профессии, — сказала она. — Не людей.

Мира поняла первой.

— Вы войдёте как часть ночной службы. Тогда система может списать вашу память вместо его.

— Не вместо. Она получит двух работников и удвоит доступный ресурс.

— Ася, это не план.

— План — не дать ему забыть меня и не пустить вагон на чужую линию. Всё остальное будем оспаривать после.

Клим держал её жетон двумя пальцами, будто тот уже стал уликой.

— Тарн снимет вас с проверки.

— Если оформлю вмешательство — да.

— А если войдёте под пустой биркой, снимет со Службы.

— Тогда у него появится свободная руководящая аттестация.

Северный шлюз открылся. За ним ждал грузовой лифт, слишком узкий для трёх человек и слишком глубокий для четвёртого этажа. На табло горело: `ДО ПРОЦЕДУРЫ 00:02:41`.

Ася шагнула внутрь. Мира вошла следом с медицинским зажимом и карточкой Глеба. Клим остался у щита, уже создавая спор там, где система запрещала само слово.

— Двенадцать минут, — сказал он. — Потом задержка исчезнет.

— Сделайте так, чтобы она оставила след.

Двери начали сходиться.

— Ася, — позвал Клим.

Она придержала створку.

— Если Ян попросит продолжить процедуру?

Вопрос оказался тяжелее угрозы Тарна. Ян имел право на свой опасный сон — и право решить, какую цену заплатить за людей на линии. Спасти его против воли значило повторить логику фонда, только назвав принуждение любовью.

— Тогда я заставлю их спросить его вслух, — сказала Ася.

— И назвать то, что заберут.

Створки закрылись.

Лифт пошёл вниз, хотя северное кольцо находилось на холме. Пустая бирка на груди Аси заполнялась по мере движения. Сначала возник номер бригады, потом доступ к процедуре. Последней появилась строка согласия.

ПРОДОЛЖЕНИЕ МАРШРУТА СЧИТАЕТСЯ ДОБРОВОЛЬНОЙ ПЕРЕДАЧЕЙ.

Ася сорвала бирку. Лифт не остановился.

Она знала: через две минуты нарушит прямой запрет, войдёт в тяжёлый сон брата без допуска и поставит под угрозу и линию, и собственную память. Но впервые за эту ночь решение принадлежало не скрытому приложению.

— Я не согласна, — произнесла она отчётливо.

Мира включила запись.

Лифт продолжил спуск.

Глава 6. Проверка нулевого баланса

Лифт выпустил их не на станции и не в депо, а в кабине старого трамвая.

За окнами шёл дождь. Вагон стоял на северном кольце без пассажиров, двери были заперты, а табло показывало маршрут, которого не существовало: `ПАМЯТЬ — РАБОТА — ПАМЯТЬ`.

Мира первой заметила, что поручни отбрасывают тени в разные стороны.

— Сон уже вышел в контур, — сказала она. — Не смотрите на номер вагона. Повторяйте место своими словами.

— Северное кольцо, служебный вагон, два часа двенадцать минут, — произнесла Ася.

— Два четырнадцать.

Ася сверилась с пластиной. Та показывала два двенадцать.

— У нас разное время.

— Значит, Ян удерживает стрелку ценой последовательности. Идём.

Они открыли двери вручную. Снаружи кольцо раздваивалось: настоящие рельсы блеснули под дождём, а поверх них лежали сухие, детские, собранные из жестяных полос. На развилке стоял Ян. Обеими руками он держал рычаг перево-

да. Перед ним горел белый служебный фонарь, за спиной — жёлтое окно мобильной группы.

В окне готовили процедуру.

— Ян! — позвала Ася.

Он обернулся и улыбнулся слишком быстро.

— Ты рано. Мама ещё не пришла.

И снова налёг на рычаг.

Ася остановилась. Мать умерла девять лет назад. Исправить брата хотелось немедленно, но Мира сжала её локоть.

— Не спорьте со сном. Дайте ему настоящее, которое можно проверить телом.

Ася подошла вплотную, взяла свободную руку Яна и прижала к холодному металлическому корпусу стрелочного механизма.

— Дождь. Железо. Северное кольцо. Ты держишь перевод для грузового состава.

— Знаю.

— Кто я?

Ян посмотрел на неё. В его лице возникло мучительное узнавание, но имя не пришло.

В мобильной группе открылась дверь.

— Отойдите от пациента, — приказал фельдшер. — Коррекция согласована.

— Кем? — спросила Ася.

— Продлением смены.

— Спросите его вслух.

— Он занят критической операцией.

— Назовите цену.

Фельдшер посмотрел на индикатор. До грузового состава оставалось три минуты. За ним уже мигали два баллона: тяжёлый образ должны были снять, а семейную связь переработать в устойчивость караула.

— Это стандартная временная потеря, — сказал он.

— Какая?

Мира включила запись.

Фельдшер понял, что привычной формулы недостаточно.

— Вероятная утрата узнавания контактного лица. Аси Рем.

Ян вздрогнул.

— Аська здесь?

— Здесь, — ответила она. — Посмотри на мою руку.

На указательном пальце у неё остался белый шрам от той самой жестяной коробки, цвет которой она потеряла в трамвае. Ян уставился на шрам, и детские рельсы под ногами дрогнули.

— Ты порезалась на крыше, — сказал он.

— Да.

— Коробка была синяя.

Цвет вернулся не воспоминанием, а его голосом. Этого оказалось достаточно.

— Согласны на процедуру? — спросила Мира.

Ян перевёл взгляд на настоящий путь. Вдалеке показались

огни грузового трамвая.

— Если откажусь, стрелка уйдёт?

— Может уйти, — честно сказала Мира.

— Если соглашусь, забуду Асю?

— Вероятность высокая.

— Тогда отказываюсь.

Мобильная установка пискнула, но не отключилась.

‘ОТЗЫВ НЕВОЗМОЖЕН: ОПЕРАЦИЯ НЕПРЕРЫВНО-СТИ НАЧАТА’.

— Он отказался, — сказала Ася.

— Система уже приняла ресурс, — ответил фельдшер. — Я не управляю блокировкой.

Ася сорвала пустую бирку с куртки и вставила её между рычагом и контактной пластиной. Механизм принял бирку за руку работника. На табло вспыхнуло: **‘РУЧНОЕ УДЕРЖАНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ’.**

— Теперь отпускай, — сказала она Яну.

Он разжал пальцы. Рычаг остался на месте.

Тяжёлый сон рванулся наружу.

Жестяные рельсы поднялись дугами. Грузовой трамвай вдруг стал маленьким, как игрушка, и понёсся прямо к их ногам. Мира бросила на землю карточку Глеба, обозначив границу реального. Ася раскрыла переносной регистратор.

— Ян, называй то, что видишь.

— Два пути. Нет, четыре. Отец чинит стрелку. Ты стоишь на крыше. Мама опаздывает.

— Что из этого можно потрогать?

— Рычаг. Твою руку. Дождь.

— Держись за три вещи.

Ася направила регистратор не на брата, а на пространство между ложными путями. Аппарат втянул первую жестяную дугу. По ладони прошёл холод. Вторая дуга сопротивлялась и показала ей отца — живого, сердитого, молодого. Она не стала доказывать, что он умер. Просто назвала дождь.

Мира повторила за ней. Потом Ян.

Три голоса удержали кольцо.

Грузовой состав прошёл по настоящему пути. От воздушной волны задрожала пустая бирка, зажатая в механизме, но перевод не сдвинулся. Когда последний вагон исчез, мобильная установка погасла. Баллоны остались полными.

Ян сел прямо на мокрый щебень.

— Я всё ещё тебя знаю, — сказал он.

— Это временно, — ответила Ася, присаживаясь рядом.

— Нам придётся проверять.

— Всегда умела испортить хороший финал.

Фельдшер снял с установки журнал. В строке процедуры стоял нулевой расход. Ниже система уже сформировала вывод: `БАЛАНС СОХРАНЁН. ОСЛОЖНЕНИЙ НЕТ`.

— Но расход был, — сказала Мира. — Мы втроём удерживали его сон.

— Ручное участие не учитывается, — объяснил фельдшер. — Только фондовый ресурс.

— Тогда где система взяла устойчивость до нашего при-
бытия?

Ответ пришёл с районного щита. На всех пластинах одно-
временно загорелась зелёная окружность: северный сектор
завершил часовую проверку с идеальным нулевым балансом.

Ася открыла детализацию. Долг внимания ночных служб
составлял 1184 единицы. Поступление из Ночного фонда —
1184. Потери памяти — ноль.

— Покажите доноров, — потребовала она.

Щит вывел перечень профессий. Имена снова отсутство-
вали.

Они поехали по адресам ближайших выдач. Машинистка
дежурного трамвая помнила все остановки, но назвала мужа
номером маршрута. Медсестра в приёмном отделении без-
ошибочно различала дозировки и не узнала дочь, принёс-
шую ей ужин. Диспетчер теплосети вернулся с аварии и дол-
го стоял перед собственным подъездом: схему подземного
коллектора он видел целиком, а дорогу домой — нет.

Каждая потеря лежала вне таблицы. Система считала
только полученный навык. То, что исчезало у человека, уже
называлось сырьём и потому не могло стать расходом.

К рассвету Ася собрала одиннадцать записей. Мира —
семь медицинских наблюдений. Клим прислал выгрузку
по 3862 автоматическим согласиям и короткое сообщение:
`Ваш жетон заблокирован. Спор оставил след`.

На экране районного щита по-прежнему сиял ноль.

Ася добавила к формуле новый столбец: `НЕУЧТЁН-
НАЯ УТРАТА СВЯЗИ`. Внесла одиннадцать подтверждённых случаев и семь вероятных. Ноль стал отрицательным числом.

Потом она включила имена.

Баланс рухнул до минус сорока трёх.

В ту же секунду ей позвонил Тарн.

— Вы вмешались в процедуру критической непрерывности, — сказал он вместо приветствия.

— Пациент отказался после того, как услышал цену.

— Вы использовали несертифицированный ручной караул и скрыли конфликт интересов.

— Я записала конфликт. Система скрыла отказ.

— Ваш инспекторский допуск приостановлен.

Ася посмотрела на Яна. Он спал в служебном вагоне под наблюдением Миры и фельдшера. Сон оставался тяжёлым, но принадлежал ему.

— Тогда откройте районный отчёт, — сказала она.

— Я его вижу. Вы испортили проверку нулевого баланса неподтверждёнными человеческими оценками.

— Я добавила источник ресурса.

— Вы добавили эмоции к бухгалтерии.

— Имена, Илья. Я добавила имена.

Тарн помолчал.

Зелёная окружность на щите стала красной. По всему северному сектору руководители смен увидели число, которое

прежде пряталось внутри слова `поступление`.

— Удалите столбец, — сказал Тарн. — До шести утра.

— Нет.

— Тогда в шесть вы перестанете быть инспектором.

— Но столбец останется.

Связь оборвалась.

На часах было пять сорок семь. До конца ночной смены оставалось тринадцать минут. В открытый отчёт уже входили первые обращения: люди требовали показать, чьи лица, дома и голоса поддерживали зелёные линии города.

Нулевого баланса больше не существовало.

Существовали только те, кого из него вычли.

Глава 7. Профсоюз последнего часа

В шесть утра инспекторский допуск Аси погас без звука.

Сначала исчезла синяя рамка вокруг её имени. Потом служебная пластина попросила приложить палец и показала серую строку: `ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ СУЩЕСТВУЕТ. ПОЛНОМОЧИЯ ОТСУТСТВУЮТ`.

Дверь районного управления не открылась.

Ася стояла под козырьком вместе с теми, кого успела внести в испорченный отчёт. Ночная смена закончилась, но люди не расходились. Машинистка держала мужа под локоть и каждый раз вздрагивала, когда он называл её домашним именем. Медсестра пересчитывала пуговицы на пальто дочери, словно могла по ним восстановить родство. Ян спал в служебном вагоне под наблюдением Миры.

На другой стороне улицы город включал утренний свет. Янтарные линии бодрствования проступали под мокрым асфальтом и шли к больницам, депо, котельным. Теперь Ася знала, что внутри каждой линии может быть чей-то голос, двор или дорога домой.

— Если постоим ещё минуту, нас оформят как несанкционированное собрание, — сказал Клим.

Он вышел через грузовой вход, прижимая к боку коробку

архивных карточек. Инспекторский жетон Аси лежал сверху в прозрачном пакете.

— А если уйдём?

— Оформят как отсутствие оснований для жалобы.

— Удобное здание.

— Его проектировали юристы.

По тротуару к ним приближалась женщина в длинном плаще цвета старой меди. Она тащила за собой тележку для белья. Одно колесо заедало, и тележка шла рывками, оставляя на воде ломаную дорожку. За женщиной тянулись ещё люди: уборщики вокзала, водители, охранники, работницы пекарен, двое врачей, связист с катушкой кабеля через плечо.

У тележки оторвалась ручка. Женщина спокойно сунула её Климу.

— Подержи. Вид у тебя подходящий.

Клим послушно взял железку.

— Лея Вар, — представилась она Асе. — Совет ночных профессий. Не профсоюз по закону, потому что закон признаёт только тех, кто работает в одно и то же время суток. Мы работаем в то время, которого в законе нет.

Она откинула крышку тележки.

Внутри лежали бумаги. Не аккуратная стопка, а сотни листов: больничные бланки, обороты путевых ведомостей, кассовые ленты, салфетки из круглосуточных кафе, картонные упаковки от перчаток. На каждом было написано от руки:

‘НЕ СОГЛАСЕН’, ‘ОТКАЗЫВАЮСЬ ОТ ПЕРЕНОСА’, ‘ПАМЯТЬ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ОПЛАТОЙ’, иногда просто ‘НЕТ’.

— Это за одну ночь? — спросила Ася.

— За восемь месяцев. Сегодня их наконец стало куда принести.

Лея вытащила путевой лист. Внизу стояли семь подписей и отметка диспетчера: ‘Передано в Службу сновидений, приёмный канал недоступен’.

— Мы нашли оговорку о молчаливом согласии зимой, — сказала она. — С тех пор отдаём письменные отказы начальникам смен. Начальники сканируют. Система отвечает, что волеизъявление не связано с активной процедурой. Когда процедура начинается, прежний отказ считается устаревшим. Новый человек подать не может: он занят непрерывной работой.

Клим уже перебирал листы.

— Здесь есть входящие номера.

— Конечно. Мы не впервые спорим с учреждением.

— Номера настоящие, но принадлежат общему документообороту. До журнала согласий они не дошли.

— Поэтому я и привезла их к вашей новой колонке с именами.

Ася посмотрела на закрытую дверь.

— Моя колонка прожила тринадцать минут. Допуска у меня больше нет.

— Прекрасно, — сказала Лея. — Значит, вы впервые не

можете сделать вид, что помогаете нам по должности.

Муж машинистки шагнул к ней, но та остановила его движением ладони.

— Мы пришли не выбирать приличного чиновника, — продолжила Лея. — Нам нужен зарегистрированный коллективный спор. Пока он существует только на бумаге, каждого из нас можно исправить отдельно.

— В уставе Службы нет коллективного спора.

— Есть.

Лея достала тонкую книжицу в промасленной обложке. Старый устав пах машинным маслом и хлебом. Между страницами лежали чеки вместо закладок.

Она открыла раздел о массовом просачивании снов. Пункт был напечатан дореформенным канцелярским шрифтом, но смысл сохранился: если одно действие Службы затрагивало сон или память группы, любой участник мог потребовать совместного рассмотрения до разделения последствий на личные случаи.

— Пункт писали для спящих казарм и фабричных общежитий, — сказал Клим.

— Ночные смены тоже спят вместе, — ответила Лея. — Просто по очереди и в разных районах.

Ася перечитала пункт. В нём не было слова `профсоюз`, зато было слово `до`. До разделения последствий. Автоматическая система делала обратное: сначала дробила массовое изъятие на тысячи индивидуальных коррекций, а потом объ-

являла каждый отказ несвоевременным.

— Спор нужно подать через действующего инспектора, — сказала она.

— Нет. Через держателя наблюдаемого последствия.

Лея указала на мужа машинистки.

— Он наблюдает, что жена зовёт его номером маршрута. Дочь медсестры наблюдает, что мать не узнаёт её. А вы наблюдаете, что ваши полномочия исчезли ровно после добавления имён. У нас достаточно держателей.

Клим присвистнул.

— Вы восемь месяцев готовили не жалобу. Вы готовили осаду.

— Жалобу можно потерять. Осаду приходится замечать.

Входные двери открылись изнутри. На пороге появился начальник утренней охраны.

— Граждане, приём начинается в девять.

— У нас процедура непрерывности, — сказала Лея.

— Какая?

— Мы продолжаем стоять. По правилам вашего учреждения это считается согласием.

Кто-то в толпе засмеялся. Охранник не улыбнулся.

— Рем, вам запрещён доступ.

— Я не вхожу как инспектор. Я сопровождаю держателей наблюдаемого последствия.

Пластина в её руке ожила. Система услышала старую формулу и предложила выбрать тип сопровождения. Ася выбра-

ла `массовое`. Экран мигнул, будто не знал такого ответа, затем открыл забытое поле: `ЧИСЛО УЧАСТНИКОВ`.

— Сколько? — спросила Ася.

Лея подняла тележку за сломанную ручку.

— На бумаге четыреста двенадцать. Здесь шестьдесят восемь. Наблюдаемых последствий — сколько сумеете не обезличить.

Ася ввела четыреста двенадцать.

Двери разошлись.

Они заняли зал расчёта смен. Дневные сотрудники ещё не пришли, ночные уже сдавали места. На стене горела красная таблица Аси с отрицательным балансом. Кто-то пытался удалить новый столбец, но строки с именами не исчезали: на них уже ссылались входящие обращения.

Клим подкатил сканер. Бумаги пошли одна за другой. Система честно распознавала слово `отказ`, затем помещала документ в раздел `прочая корреспонденция`.

— Не давайте ей закончить действие, — сказала Ася.

— Как?

— Связывайте каждый лист с общим наблюдаемым последствием до сохранения.

Клим открыл служебный классификатор. Поле связи было серым.

— Нужен аттестационный ключ.

Пластина Аси показала её личное дело. Несмотря на приостановленный допуск, ключ кандидата в руководители

оставался действующим: аттестация принадлежала не должности, а человеку. Рядом с баллом `18` появилась цена операции.

`СОЗДАНИЕ НЕПРЕДУСМОТРЕННОГО ТИПА СПОРА: -18`.

Все восемнадцать баллов. Три года ночных проверок, выездов и экзаменов. Утром она должна была подать заявку на последнюю комиссию.

Лея увидела экран.

— Не нажимайте из красивого жеста.

— А из какого можно?

— Из расчёта. Сегодня нас много, потому что ваш столбец ещё виден. Завтра людей снова разделят по больницам и депо. Но если вы отдадите ключ, руководителем станете не вы. Им станет тот, кого устроит старая таблица.

Это была не просьба и не проверка нравственности. Лея хотела зарегистрированный спор, но не собиралась притворяться, что цена Аси принадлежит всем поровну.

— Чего вы хотите после регистрации? — спросила Ася.

— Приостановить все автоматические списания.

— Город не выдержит.

— Это говорит Тарн.

— Это говорит северное кольцо. Мы удержали один сон втроём и едва не потеряли грузовой состав.

Лея прищурилась.

— Значит, вы видели пользу фонда и всё равно оставили

имена?

— Да.

— Тогда, может быть, с вами получится спорить.

Она положила на стол собственный отказ. Он был написан на обороте наряда хлебозавода. В графе профессии стояло: `наладчица печей`. В графе утраты: `не узнаю запах дома до полудня после каждой третьей смены`.

— Я не предлагаю выключить больницы, — сказала Ася.

— Я зарегистрирую требование немедленно остановить молчаливое согласие. Не сам фонд. Каждое изъятие — только после названной цены и прямого ответа. Для критических служб придётся вводить временный открытый режим.

— Открытый режим оставит начальникам право давить на людей.

— Поэтому спор должен включать представителей смены при каждой процедуре.

— Представителей выберем мы.

— Не только вы. Иначе вы станете ещё одним управлением.

Лея улыбнулась впервые.

— Вот теперь это похоже на коллективный спор.

Ася добавила два отдельных требования: прекратить считать продолжение смены согласием; запретить процедуру без прямого названия конкретной возможной утраты. Третьим пунктом внесла временное совместное наблюдение за критическими переносами. Лея продиктовала четвёртый: ни

один бумажный отказ не может считаться устаревшим, пока человек сам его не отзовёт.

Система потребовала основание, почему четыреста двенадцать разных листов относятся к одному действию.

Ася вывела формулу нулевого баланса. Показала общий источник, общий классификатор и одну оговорку, применённую ко всем профессиям. Разные воспоминания превращались в один ресурс. Значит, и отказ от его добычи был общим.

Поле связи стало белым.

Ася приложила аттестационный ключ.

Восемнадцать баллов исчезли не сразу. Сначала система предложила сохранить один — за инициативность. Потом обнаружила, что инициатива направлена против действующего порядка, и забрала его тоже.

‘АТТЕСТАЦИОННЫЙ БАЛЛ: 0’.

‘КОЛЛЕКТИВНЫЙ СПОР № 1 ЗАРЕГИСТРИРОВАН’.

Красная таблица на стене изменилась. Рядом с каждой строкой автоматического согласия появился жёлтый знак вопроса. Процедуры не остановились, но теперь перед запуском система должна была показать оператору наличие спора.

В зале поднялся шум. Кто-то обнял соседа. Кто-то требовал немедленного отключения. Машинистка смотрела на мужа и повторяла его имя, пока оно не перестало походить на номер маршрута.

Тарн вошёл через боковую дверь без охраны.

Он оглядел тележку, сканер, толпу и нулевой балл Аси.

— Вы использовали аттестационный ключ после приостановления допуска.

— Ключ действителен.

— Был.

— Этого хватило.

Тарн подошёл к экрану спора. Его лицо не изменилось, но он дважды перечитал пункт о прямом назывании утраты.

— Сейчас заканчивается ночная подпитка клинического контура, — сказал он. — В семь двадцать вокзал примет три межрайонных состава. Если операторы начнут зачитывать каждому донору последствия, выдача замедлится.

— Пусть замедлится.

— Во сне скорость тоже является безопасностью.

Лея встала рядом с Асей.

— У вас было восемь месяцев, чтобы научиться спрашивать быстро.

— А у вас было восемь месяцев, чтобы принести документы через установленный канал.

Лея перевернула экран к нему. На нём стояли входящие номера.

— Мы принесли.

Тарн просмотрел первые двадцать. Потом открыл маршрут одного листа: начальник смены, общий документооборот, автоматическая сортировка, архив несвязанных волеизъявлений. На каждом этапе документ был принят. Ни на

одном — прочитан как отказ.

— Ошибка классификации, — сказал он.

— Четыреста двенадцать одинаковых ошибок называются порядком, — ответила Ася.

На городском щите мигнула первая жёлтая линия. Оператор клинического резерва остановил перенос, увидев коллективный спор. Через секунду остановилась вторая. Потом третья.

Тарн резко поднял голову.

— Вы не понимаете, что сейчас запустили.

— Понимаю не всё, — сказала Ася. — Поэтому спор, а не приговор.

Пластина Миры позвонила с северного кольца. Ян проснулся и узнавал Асю, но над вокзалом собирался тяжёлый образ. Пассажиры трёх прибывающих составов несли с собой общий страх опоздания; без обычной подпитки дежурная бригада могла не удержать его в контуре.

Ася показала сообщение Лее.

— Вот цена немедленной остановки.

— А вот цена продолжения, — Лея коснулась тележки с отказами. — Не отдавайте ему право выбирать единственную из них.

Тарн уже вызывал диспетчеров.

— Спор не отменяет аварийные полномочия, — сказал он. — Я запускаю фонд по протоколу угрозы множественной жизни.

— С наблюдателями смены, — напомнила Ася.

— У вас нет допуска.

Лея взяла свой медный плащ с кресла.

— Зато у меня есть ночная смена, которая выбрала меня пять лет назад. И отказ, который я не отзывала.

Тарн посмотрел на неё так, как смотрят на новый инструмент, опасный именно тем, что он работает.

— На вокзал, — сказал он. — Оба представителя. Но если контур сорвётся, спор не защитит людей от последствий.

— Он и не должен, — ответила Ася. — Он должен не дать вам спрятать, кто их понёс.

Они вышли через главный вход. Тележка осталась в зале, но каждый её лист теперь имел одну и ту же связь: коллективный спор № 1.

Над вокзалом темнело, хотя утро уже наступило.

Город впервые услышал слово «нет» не после процедуры, а до неё. И немедленно потребовал доказать, что умеет жить с ответом.

Глава 8. Дежурный кошмар

На вокзале опаздывали все часы.

Большой циферблат под стеклянным сводом показывал семь двенадцать. Табло отправлений — семь четырнадцать. На пластине Аси было семь одиннадцать, а наручные часы Леи замерли без минутной стрелки: та отломилась и лежала под стеклом, как тонкая медная заноза.

— Они всегда так, — сказала Лея, заметив взгляд Аси. — На хлебозаводе звонок начала смены спешит, звонок конца отстаёт. Экономия времени.

Тарн шёл впереди через зал прибытия. Люди расступались перед его серым служебным плащом, но сразу смыкались за спиной. Утренний вокзал был набит теми, кто ещё не успел стать дневным: пассажиры спали сидя, стоя и на ходу; продавцы разворачивали витрины; носильщики гнали тележки между колоннами; уборщицы собирали в совки мокрые билеты. По стеклу свода ползла тёмная рябь.

Это был не отдельный сон. Отдельный сон имел владельца, температуру, привычку возвращаться к одной детали. Над вокзалом висело то, что люди выращивали вместе, не договариваясь: пустой перрон, закрывающиеся перед лицом двери и чувство, что самая важная встреча уже закончилась в другом конце города.

У каждого тревога была своя. Контур делал её общей.

— Первый состав входит на четвёртый путь через шесть минут, — сказал Тарн. — Второй через девять. Третий задержан на перегоне, что в данном случае хуже всего.

— Почему? — спросила Лея.

— Потому что задержка кормит образ.

— Я спрашиваю, почему пассажирский контур зависит от памяти ночных работников.

Тарн не обернулся.

— Потому что пассажиры тоже ночные работники, пока не прибыли.

Он приложил ладонь к служебной двери. Замок пропустил его и Мирин медицинский ключ, переданный по сети. Пластина Аси осталась серой. Лея достала бумажную карточку наблюдателя — Клим успел выпустить её на дорогу — и просунула в щель считывателя. Дверь не поняла бумагу.

— Держите, — сказала Ася Тарну.

Тот придержал створку.

— Это не признание вашего допуска.

— Это дверь.

За ней начинался дежурный контур вокзала. Вдоль стены стояли шесть кресел операторов, похожие на зубо врачебные: высокие подголовники, медные обручи, ремни для запястий. Пять были заняты. Шестой оператор сидел на полу и сосредоточенно зашнуровывал ботинок, хотя шнурка в нём не было.

На центральном экране три янтарные линии поездов схо-

дились к чёрному кругу вокзала. Раньше Ночной фонд подавал в круг тонкую молочно-белую нить. Теперь нить обрывалась у жёлтого знака коллективного спора.

Начальница дежурной смены, сухая женщина с выбритым виском, оттолкнулась от пульта.

— Наконец. Дайте ручное подтверждение выдачи.

— Автоматического не будет, — сказал Тарн. — Переходим на открытый аварийный перенос.

Женщина посмотрела на него так, будто он предложил встречать составы руками.

— До входа первого — пять минут двадцать секунд.

— Назовите нужный объём и источник.

— Шестьдесят единиц связности. Источник назначен: сотрудники вокзала после семи часов непрерывного бодрствования. Сто восемьдесят три человека, пропорциональное списание.

Лея уже снимала плащ.

— Что именно у них заберут?

— Пропорциональное списание не назначает конкретную утрату заранее.

— Тогда никто не может согласиться.

Начальница обернулась к Тарну.

— Кто её сюда пустил?

— Устав, — ответил он. — Сегодня у него тяжёлая смена.

Ася подошла к схеме источников. Сто восемьдесят три зелёные точки были собраны в один прямоугольник `ПЕР-

СОНАЛ ВОКЗАЛА`. Система предлагала взять понемногу у каждого: не целое лицо, не дом, не голос, а тонкие края множества связей. Такие потери легче проходили медицинский контроль. Их труднее было доказать.

Она раскрыла прямоугольник.

— Покажите прогноз по людям.

— Это займёт восемь минут, — сказала начальница.

— У нас пять.

— Именно.

Тёмная рябь на потолке сгустилась. Из общего зала донёсся протяжный звук тормозов, хотя первый поезд ещё не вошёл на станцию. Оператор в крайнем кресле схватился за обруч.

— Началось просачивание. Люди видят отправление вместо прибытия.

На обзорном экране пассажиры одновременно повернули головы к пустому четвёртому пути. Несколько человек побежали. За ними двинулись другие, не зная зачем. В толпе открылся коридор, ведущий не к платформе, а к стеклянной стене.

— Перекрыть ложный маршрут, — приказал Тарн.

— Чем? — начальница указала на оборванную нить фонда.

Ася развернула прогноз. Таблица строилась медленно, строка за строкой.

УБОРКА ЗАЛА: риск утраты узнавания домашнего

подъезда.

ПУТЕВОЙ КОНТРОЛЬ: риск утраты первого самостоятельного маршрута.

КАССЫ: риск утраты связи с голосом, сообщившим важную новость.

НОСИЛЬЩИКИ: риск утраты образа человека, которого встречали чаще всего.

Лея читала через плечо Аси. Её лицо не менялось, пока не появилась строка хлебозаводской доставки.

РИСК УТРАТЫ ЗАПАХА МЕСТА, СЧИТАЕМОГО ДОМОМ.

— Моя строка, — сказала она.

— Вы в источнике? — спросила Ася.

— Доставка до шести сорока. Я снялась в шесть сорок две. Для системы, видимо, всё ещё продолжаю смену.

Лея приложила к экрану бумажный отказ. Считыватель на секунду осветил лист и выдал: ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЕ НЕ СВЯЗАНО С АКТИВНОЙ ПРОЦЕДУРОЙ.

В общем зале закричали.

Толпа дошла до стеклянной стены. Первые пассажиры упёрлись ладонями в стекло, но задние продолжали идти. Они видели перед собой уходящий поезд и пытались успеть в дверь, которой не существовало.

— Четыре минуты, — сказала начальница. — Или вы даёте выдачу, или я прошу начальника Управления применить угрозу множественной жизни.

Тарн поднял пластину. На ней уже горела красная кнопка аварийного полномочия. Одного касания хватило бы, чтобы спор отступил на десять минут и сто восемьдесят три человека снова превратились в прямоугольник.

— Ася, — сказал он. — Вы хотели увидеть выбор до процедуры. Смотрите.

Она видела. Медленная таблица дописывала человеческие цены, а за стеной люди давили друг друга ради воображаемого поезда. Если ждать полного прогноза и поочерёдного согласия, контур сорвётся. Если разрешить старую задачу, вокзал спасут люди, которым даже не скажут, что у них взяли.

Лея шагнула к Тарну.

— Нажмёте — я объявлю всем в зале, чем вы платите.

— Объявляйте. Только сначала освободите стекло от двух тысяч пассажиров.

— Вы устроили систему, в которой честность всегда опаздывает на три минуты.

— Нет. Я работаю в городе, где бедствие не ждёт правильной формы.

Они оба были правы ровно настолько, чтобы от их правоты погибли люди.

Ася посмотрела на пустое шестое кресло. Рядом висела трубка громкой связи. На пульте источников был режим, которым они пользовались на северном кольце: ручная бирка вместо автоматической подпитки. Там три голоса удержали

один тяжёлый сон двенадцать минут. Здесь один образ держал весь вокзал, зато тысячи людей уже были связаны общей тревогой.

— Не спрашивать по одному, — сказала она. — Спросить всех одновременно.

Начальница дежурной смены рассмеялась без веселья.

— И как вы проверите тысячу ответов?

— Не тысячу. Нам нужны шестьдесят единиц. Назовём цену по группам, выведем каждую группу на отдельную линию и будем брать только после видимого подтверждения. Отказ — тоже видимый. Наблюдатели считают ответы.

— Система не умеет.

— Громкая связь умеет. Турникеты умеют считать проходы. Кассовые кнопки умеют принимать выбор. А ручные бирки умеют удерживать ресурс до подачи в контур.

Лея поняла первой.

— Сотрудники вокзала отвечают рабочими кнопками. Пассажиры — турникетами?

— Пассажиров не включаем в доноры. Они под воздействием кошмара и не могут свободно согласиться. Только персонал, который услышит цену и сможет отойти от поста хотя бы на десять секунд.

— Тогда источников не хватит, — сказал Тарн.

— Добавим добровольцев из дежурной бригады Службы. Начальница отрезала:

— Операторы уже держат контур.

— И меня, — сказала Ася.

Тарн посмотрел на её серую пластину.

— Вам нечего отдавать по этой процедуре. Вы не числитесь на смене.

— Значит, впервые полезно отсутствие полномочий. Оформите меня вручную.

Лея положила свой отказ рядом с пультом.

— Меня не добавляйте.

Начальница фыркнула.

— Никто вас не заставляет.

— Я хочу, чтобы это прозвучало до запуска.

Лея повернулась к Асе.

— Я наблюдаю и считаю. Не жертвую памятью, чтобы заслужить право возражать.

— Правильно, — сказала Ася.

На лице Тарна мелькнуло раздражение. Не из-за отказа — из-за того, что отказ не сделал Лею трусливой и не упростил спор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.